

БЕСТУЖЕВЪ-МАРЛИНСКІЙ.

Письмо изъ отряда дѣйствующаго за Кубанью.

Октября 24-го дня 1834-го года. Берегъ Чернаго моря.

Ура, мы въ Гиленджикъ! Мы штыками проторили дорогу отъ Кубани до Чернаго моря, сквозь неприступныя доселѣ ущелія, черезъ подоблачныя хребты, подѣ градомъ пуль и стрѣль и камней и картечей! Могущее слово Николая набросило намъ мостъ на пропасти, сгладило горы въ уровень. Великая мысль увѣнчалась великимъ исполненіемъ: безстрашный вождь нашъ наступилъ твердой стопою на гнѣздо самыхъ дерзкихъ и воинственныхъ грабителей Черноморья.

Вы не сыщете Гиленджика на картѣ; можетъ быть, вы не подозреваете его и на бѣломъ свѣтѣ. Эта крѣпость не болѣе 3-хъ лѣтъ вышла на Черкесскій берегъ въ бухтѣ весьма удобной для рейда. Зоркое око Русскаго правительства вдали провидѣло пользу, которую можно будетъ пролить на Линію и всѣ наши Закавказскія провинціи, обезпечивъ ихъ торговлею и мирными поселеніями, на мѣстѣ занятомъ теперь приморскими разбойниками, притонами Турецкихъ контрабандистовъ и горскими хищниками. Объ этихъ мѣрахъ взывало не только Отечество, но и Человѣчество, и вотъ Гиленджикъ возникъ и разросся на страхъ и досаду окружнымъ Горцамъ. Послѣ Анапы то была первая ступень къ покоренію Восточнаго берега Чернаго моря.

И такъ цѣль настоящаго похода за Кубань была: избраніе удобнѣйшей дороги къ Гиленджику и постройка на ней крѣпостей, которыя бы служили звеньями цѣпи должной оковать народы сосѣдніе Черноморью и разъединить ихъ отъ воинственныхъ сосѣдовъ точками опоры нашего военнаго и торговаго сообщенія между берегомъ Чернаго

моря и Кавказскою линією. Для этого построивъ регулярную крѣпость¹⁾ на рѣкѣ Абинѣ, въ 40 верстахъ отъ Кубани, генераль Вельяминовъ двинулся изъ лагеря по Абинскому ущелію съ 6.000 войска, съ 28 орудіями²⁾ и со всѣмъ боевымъ обозомъ въ 5-ть часовъ утра 10-го Октября.

Казалось, сама природа пошла на брань за Горцевъ и хотѣла отстрашить насъ непогодю отъ желанія идти далѣе: бурный ливень съ градомъ и вихремъ билъ прямо въ глаза до того, что кони подъ бичемъ упирались и обращались назадъ. Но такая буря, замедляя нашъ ходъ, помѣшала и сборищамъ и стрѣльбѣ Черкесовъ. Мы прошли 9^{1/2} верстъ съ неважными схватками. Авангардъ посланъ былъ впередъ для того, чтобъ найти и взять заваль, какъ извѣстно стало черезъ лазутчиковъ, устроенный на дорогѣ. Мы нашли этотъ огромный заваль пустымъ и покинули въ пеплѣ. Дождь лилъ волною всю ночь; солдаты всю ночь на пролетъ толпились вокругъ бивачныхъ костровъ.

На утро блеснуло солнце, и съ первымъ лучемъ его завязалось жаркое авангардное дѣло. Горцы, какъ змѣи ползли со всѣхъ крутизнь и съ пашками кидались на нашихъ стрѣлковъ, но въ полчаса были выбиты изъ лѣсу штыками, развѣяны пушками съ полянъ, и мы по ихъ трупамъ, по тропамъ залитымъ кровью, двинулись впередъ, вездѣ встрѣчаемые убійственнымъ свинцомъ, вездѣ сметая непріятеля долой съ утѣсовъ. Тяжко стонали горы отъ пальбы, отъ кликовъ битвы; всѣ ущелія дышали на насъ дымомъ и пламенемъ зажженныхъ врагами ауловъ, сѣна и проса: точно самъ адъ вырвался на землю. Павшій мракъ разлучилъ сражающихся. Мы ночевали на оружіи у воротъ въ тѣснину, при сліянїи рѣкъ Абина и Атаквафа.

Трудны были два предшедшіе дня, но разсвѣтъ оказалъ, что это были цвѣтки въ сравненїи съ тѣмъ, чтò насъ ожидало. Конная тропинка, часто пересѣкающая ложе Атаквафа, исчезала въ дремучемъ лѣсу. Грозныя скалы, заросшія колючкой, изрытыя потоками, недоступныя взору, не только стопѣ воина, вздымались справа и слѣва, и всѣ гребни были усѣяны, всѣ засады полны врагами, горящими жаждою

---

¹⁾ Двойная рекогносцировка дороги сперва отъ Ольгинскаго укрѣпленія до Абина, потомъ отъ Абина до Великолагернаго (на Кубани) и обратно, вмѣстѣ съ безпрестанными перевозками провіанта и всѣхъ матеріаловъ необходимыхъ для постройки крѣпости, земляныя работы и фуражировки для снабженія отряда и гарнизона сѣномъ поглотили время отъ 26-го Іюля до 10-го Октября. Ежедневная война съ тѣмъ сопряженная будетъ предметомъ особой статьи.

²⁾ Въ томъ числѣ слишкомъ 2,000 пѣшихъ Черноморскихъ казаковъ съ ружьями безъ штыковъ: около 600 артиллеристовъ и 300 сапѣръ, да 4 горныхъ единорога.

мести и отличія, поклявшимися умереть не пуская Русскихъ впередъ; но что невозможно для Русскихъ предводимыхъ Вельяминовымъ? Звонъ топоровъ слился съ громомъ выстрѣловъ. Медленно подвигались мы впередъ, просѣкая и разрывая дорогу по дну ущелія, покупая боемъ каждую пядь земли и боемъ равнаго оружія, ибо артиллерія не могла досягать на гребни; со всѣмъ тѣмъ мы подвигались. Кровь лилась съ обѣихъ сторонъ, остервененіе Черкесовъ и мужество Русскихъ росли. Стрѣлковыя цѣпи наши карабкались по обрыву за корни деревьевъ, встрѣчая на каждомъ шагу засѣки и засады; стрѣлялись въ упоръ, дрались въ рукопашную. Раненые катились внизъ колесомъ, убитые стремглавъ падали въ пропасть. Наконецъ, условный бой барабановъ съ обѣихъ высотъ возвѣстилъ авангарду, что на дорогѣ видѣнъ заваль, а залпъ встрѣчу намъ посланный доказалъ это. Въ одинъ мигъ онъ былъ обойденъ и взятъ на ура; въ одну минуту разломанъ и срытъ съ корня. И вотъ передъ нами по крутой, голой скалѣ открылась конная тропка; но раздалось „саперы впередъ“ и черезъ два часа, вырубленная въ крѣпкомъ камнѣ дорога разостлалась подъ обозъ широкимъ и пологимъ спускомъ, хоть сей часъ перенести на Московское шоссе. А между тѣмъ непріятель не переставалъ дерзко напирать на авангардъ и аррьергардъ. Съ неприступныхъ вершинъ порой летѣли картечи *) изъ ихъ орудій. Многіе стрѣлки были ранены камнями и стрѣлами. Уже давно была ночь, когда мы стали, совершивъ 5 верстъ пути. Переправа обоза черезъ Атаквафъ по скользкому каменному дну стоила невѣроятныхъ трудовъ и длилась за полночь.

Разсвѣлъ 4-й день. Перестрѣлка будто эхо отвѣтила на звонъ заревыхъ роговъ. Мы поднялись и чѣмъ далѣе, тѣмъ непроходимѣе становилось ущеліе. Горы сходились будто грозя удушить насъ; лѣсъ заплеталъ дорогу терномъ. Мы должны были прорубаться сквозь чащу, срывать и заваливать спуски въ плитникъ, а между тѣмъ жаркій бой кипѣлъ кругомъ. Ура заглушало гиканье враговъ, ревъ артиллеріи покрывалъ перестрѣлку, но чуть минувшій отдыхъ прерывалъ битву, удалые Русскія пѣсни застрѣльщиковъ гремѣли по утесамъ Кавказа: смертный пиръ былъ у насъ не безъ гимновъ—скажите не весело ли драться и умирать впереди такихъ солдатовъ!!

---

*) Шапсуги и Натухайцы наняты Апанскимъ пашею дѣйствовать противъ Русскихъ, при послѣдней осадѣ оной, увезли въ горы 8 легкихъ орудій за недоплату имъ жалованья. Изъ этихъ-то орудій они стрѣляли по Абянскому лагерю и теперь. Впрочемъ недостатокъ снарядовъ и дальность разстоянія (изъ боязни потерять пушки) были причиною, что ихъ выстрѣлы мало намъ вредили. Впрочемъ есть убитые и раненые ихъ ядрами, нерѣдко мѣдными, и мелкою картечью.

Такъ достигли мы до глубокаго котла, образованнаго перекресткомъ многихъ ущелій, въ ложѣ полуизсыкашей рѣчки Шадо-гопсъ. Устроивъ на гребняхъ высотъ засѣки, мы стѣснились бивуаками у подножія хребта Маркочъ, раздѣляющаго насъ отъ приморья. Тяжелъ былъ горцамъ этотъ день пораженіями, недаромъ обошлась и намъ побѣда. Миръ павшимъ! Здравіе пролившимъ кровь свою!... На утро 14 Октября, разогнавъ гранатами съ окрестныхъ высотъ скопляющихся непріятелей, генераль Вельяминовъ съ 4-мя батальонами пѣхоты и со всѣми вьючными лошадьми, на которыхъ посадили 70 раненыхъ, выступилъ на гору для развѣдки остальной дороги въ Гиленджикъ. Вообразите себѣ огромную сахарную голову, изрытую вдоль и поперекъ глубокими, лѣсистыми стремнинами, вотъ гора на которую должно было намъ взобраться. Изъ всѣхъ овраговъ на перекрестъ свистѣли пули, со всѣхъ вершинъ катили на насъ камни, но не смотря на это, не смотря на ужасную крутизну, мы въ 2 часа пути были уже на темъ высочайшей изъ горъ поморья—и вотъ безграничное море со своими заливами, со своими зелеными, голубыми водами разлилось панорамой подъ нашимъ взоромъ. Ярко блистало солнце, гордо плавалъ надъ нами орелъ и казалось любовался на новыхъ братьевъ своихъ.... Какой-то безотчетный восторгъ овладѣлъ всѣми; войска кричали ура; вождю своему, знамена шумѣли славу Русскому Государю, каждый чувствовалъ, что Термопилы уже назади, что цѣль близка, что онъ свершилъ исполинскій подвигъ. О, это было великолѣпно, это было величественно, это было отрадно Русскому сердцу! Въ такія минуты забываетсяъ всѣ минувшіе труды, всѣ будущія опасности.

Командующій войсками возвратился съ 2-мя батальонами къ лагерю, чтобы съ утра начать разработку дороги черезъ хребетъ Маркочъ, предпріятіе, которое не одни горцы считали баснею. Мы же съ другими 2-мя батальонами и 2-мя горными орудіями, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Малиновскаго спустились по крутому склону горы къ поморью противу Суджукской бухты, и къ 8 часамъ вечера съ легкою перестрѣлкою достигли желанной цѣли, т. е. крѣпости Гиленджика, гдѣ были встрѣчены гарнизономъ какъ братья, гдѣ мы нашли пріютъ и ласку, а наши раненые пособіе и покой.

Октября 16, поднявъ на вьюкахъ 5-тидневный провіантъ для всего отряда и взявъ изъ Гиленджика 2 батальона, слѣдующіе по переторировкѣ къ Тенгинскому и Навагинскому полкамъ, да одинъ линейный Черноморскій, мы поднялись на гору, и въ тотъ же день присоединились къ отряду. Гранаты горныхъ единороговъ держали непріятелей въ почтительномъ разстояніи.

Дорога избранная начальникомъ войскъ, уже змѣей вилась въ гору по дну ручья. Работа кипѣла, камень горѣлъ подъ кирками; громады взорванныя порохомъ разлетались въ иверни, саперы творили чудеса¹⁾. Довольно сказать, что 20 числа разработка достигла до перевала горы, прозванной солдатами Вельяминовскою. На верху ея водрузили крестъ, найденный въ одномъ изъ ауловъ. Остатокъ забытой Черкесами Христіанской вѣры, онъ возникъ предтечею побѣды Креста надъ Луною, вѣстникомъ обновленія этаго края Русскими.

Тяжкая разработка въ живой скалѣ порохомъ и желѣзомъ производилась уже по спуску къ морю, когда артиллерія, паркъ и обозы поднялись на хребетъ, не безъ усилій, но безъ ломки. Всѣ тяжести ночевали на горѣ тоже безъ воды и огня. Шелъ дождь.

22-го, сквозь тучи летящія подъ ногами, колонна стала спускаться. Непріатели съ дальнихъ вершинъ съ отчаяніемъ глядѣли на нашъ торжественный ходъ: на лаву Европы вторгающейся въ Азію. Они убѣдились, что всѣ думы и предреканія ихъ о невозможности совершить этотъ страшный переходъ обратились въ ложь; что всѣ усилія ихъ отваги, возвышенной привычкою и познаніемъ мѣстности, остались напрасны передъ беззавітною храбростію Русскихъ... безсильныя пули ихъ падали къ нашимъ ногамъ.

Генераль Вельяминовъ, спустивъ при себѣ обозъ до полугоры, поручилъ окончаніе г. л. Малиновскому, а самъ, опередивъ отрядъ къ ночи прибылъ въ Гиленджикъ. Войска со всею артиллеріей и тяжестями пришли на другой день въ 2 часа пополудни и стали бивуакомъ на эспланадѣ. Тихая доселѣ крѣпостца превратилась въ шумный станъ... вездѣ веселыя толпы солдатъ и казаковъ, вереницы коней. Земля дымится огнями; по заливу снуютъ взадъ и впередъ ялики съ любопытными гостями военныхъ судовъ, гордо зыблющихся на якорѣ²⁾. Все дышетъ военною беззаботностію; все радуется краткому отдыху послѣ Суворовскихъ трудовъ, а между тѣмъ все готовится къ новымъ подвигамъ, къ новымъ битвамъ. Черезъ два дни опять въ горы, опять подъ пули. Но о томъ—потомъ.

Вашъ Александръ Марлинскій.

На доставленной въ „Русскій Архивъ“ рукописи этого письма тою же рукою означено: „Для Сѣверной Пчелы“. П. Б.

¹⁾ Въ помощь имъ придана была тысяча Черноморцевъ.

²⁾ Теперь въ Гиленджигской бухтѣ стоятъ бригъ Фениксъ, катеръ Соловей и лугръ Глубокій. Послѣдній изъ нихъ повезетъ наши письма къ благословеннымъ берегамъ Россіи.